

Виталий Гурин

**О МАСТЕРСТВЕ
И ГЕРОИЗМЕ**

Виталий Гурин

О мастерстве и героизме

«Эдитус»

2019

Гурин В.

О мастерстве и героизме / В. Гурин — «Эдитус», 2019

ISBN 978-5-00149-192-7

Добро пожаловать, Путник! Не так важно, был ли твой путь труден и тернист или спокоен и светел, но он привёл тебя сюда. В чертоги истины. Не стоит спешить – успокойся, отдохни здесь. Подумай о вечном вместе с нами. Ведь если ты оказался здесь, это более чем не случайно. Подумай, в таком массиве информации ты нашёл именно эту книгу. Нам совершенно безразлично твоё отношение к религии, к твоему языку, цвету кожи, твоим убеждениям или твоему образу жизни, потому что это всё не имеет никакого значения для мироздания. Но мироздание важно для нас и для тебя в частности. Вопрос стоит всего лишь один: готов ли ты, о, странник, принять откровение? Мы не навязываем никакую точку зрения. Действительно, как можно навязывать, например, учение о том, что человеку нужно дышать воздухом, есть пищу и пить воду? Мы не предлагаем открыть тебе правду на определённые вещи: по своей сути правда – вещь крайне лживая. Но узреть истину. Прикоснуться к ней и найти своё место в этой огромной, бесконечной Вселенной.

ISBN 978-5-00149-192-7

© Гурин В., 2019

© Эдитус, 2019

Содержание

Пролог	6
1	11
2	14
3	16
4	18
5	21
6	26
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виталий Гурин

О мастерстве и героизме

Все события и персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Пролог

Добро пожаловать, Путник! Не так важно, был ли твой путь труден и тернист или спокоен и светел, но он привёл тебя сюда. В чертоги истины. Не стоит спешить – успокойся, отдохни здесь. Подумай о вечном вместе с нами. Ведь если ты оказался здесь, это более чем не случайно. Подумай, в таком массиве информации ты нашёл именно эту книгу.

Нам совершенно безразлично твоё отношение к религии, к твоему языку, цвету кожи, твоим убеждениям или твоему образу жизни, потому что это всё не имеет никакого значения для мироздания.

Но мироздание важно для нас и для тебя в частности.

Вопрос стоит всего лишь один: готов ли ты, о, странник, принять откровение?

Мы не навязываем никакую точку зрения. Действительно, как можно навязывать, например, учение о том, что человеку нужно дышать воздухом, есть пищу и пить воду?

Мы не предлагаем открыть тебе правду на определённые вещи: по своей сути правда – вещь крайне лживая.

Но узреть истину. Прикоснуться к ней и найти своё место в этой огромной, бесконечной Вселенной.

Разумеется, не всякий человеческий разум сможет принять это знание, но это шанс.

Так почему бы его не использовать?

Посмотри на себя, Путник. Кто ты? Может быть, даже «что» ты? Как тебя зовут? Какой твой род деятельности? Правильно ли ты проживаешь свою жизнь? Хотел ли ты когда-нибудь изменить прожитое? Повернуть время вспять?

На самом деле всё это так же не имеет никакого значения. Главное, что ты человек, наделённый разумом. Разумом, способным мыслить.

Посмотри вокруг. Что ты видишь? Средства массовой информации активно преподносят сведения о войнах, катастрофах, убийствах, похоти, извращениях и прочих сторонах человеческой жизни.

И каждый человек волей или неволей участвует во всех этих мероприятиях. Заплатил налоги – проспонсировал локальную войну.

В пятницу после работы ходил в клуб, злоупотребил спиртными напитками, снял такую же, как ты, злоупотребившую напитками, девушку. Уединился с ней, короче, превратился на этот вечер в животное. В пьяное, похотливое животное.

Породил, таким образом, наследников, про которых ты, возможно, даже и не знаешь.

Можно надеяться проскочить на жёлтый сигнал светофора и проскочить. А можно не проскочить и убить человека.

Да много можно сделать глупостей, что тут говорить.

Однако каждый – даже самый последний аморальный человек – мечтает о высоком. Верит в идеалы добра и высшей справедливости.

Да и ты тоже веришь. А что, скажешь, нет?

Но давай всё-таки оценивать ситуацию объективно: не ты первый, Путник, не ты последний.

Что, разве в разные времена было не так?

Достаточно открыть учебник истории. Вечные войны, убийства, насилия, интриги, борьба за власть. Да, всё существование человечества связано с этим.

Крестьянин в каком-нибудь Средневековье мог пострадать и от соседнего государства, и от своего тоже.

Да и любой король постоянно боялся отравления, заговоров, интриг. Боялся постоянно своих близких родственников, которые просто мечтали всадить в спину нож и надеть корону. Не говоря уже о соседних королевствах и царствах.

Содом и Гоморра были известны ещё с библейских времён. То есть и порок, и разврат были всегда сопутствующими качествами человека.

И, что самое главное, на протяжении всего человеческого существования уже были известны различные философские и религиозные учения, проповедующие добро к другим людям, осуждающие человеческие пороки.

И что?

И... ничего.

Человечество на протяжении тысячелетий верит в добро, проповедует его, но продолжает грабить, убивать, вести аморальный образ жизни.

Ну и подумай, Путник, разве это та жизнь, которую ты ищешь? Быть винтиком в этом огромном механизме порока и разврата? Жить вечно в страхе за свою жизнь, за своё будущее, за будущее своей семьи?

Может, пора прекратить уже всё это? Разве не в твоих книгах написано, что ты создан по образу и подобию Божьему?

Так открой глаза...

Ты когда-нибудь думал о смерти, Путник? Можешь не отвечать: конечно, ты думал. Все думали. Не важно, в каком качестве: естественная смерть в старости, автокатастрофа или, быть может, даже малодушное самоубийство.

Всё дело в том, что человеческая жизнь как она есть представляет собой действительный парадокс: мы всю свою жизнь боимся смерти, живя, чтобы умереть.

С раннего детства нам говорят: «Ты легко одет – можешь простудиться», «Не купайся: тут глубоко», «Осторожно переходи дорогу, иначе сойдёт машина».

В чём логика? Всё равно человек смертен. От этого никому ещё убежать не удалось.

Болезнь того, абсурд ситуации ещё и в том, что человечество отказывается принять данный факт за должное.

Наоборот, возникает сакрализация смерти – появляются различные религиозные течения. Иудаизм, христианство, ислам, буддизм и остальные – всё это культы смерти.

Археологи находят множество самых разных подтверждений тому, что религиозные верования или культы были присущи человечеству на всех этапах его жизнедеятельности.

Так получилось, что в древности человек не мог объяснить, как идёт дождь, что такое молния и т. д.

Соответственно, он создал богов молнии, грома, океана и всех остальных. Так же человек создал и бога смерти.

Но вот в чём незадача: шло время. И грому, и дождю нашлись всякие научные объяснения с доказательственной базой. Древние боги превратились в мифы.

Однако объяснение смерти у человечества не нашлось.

Поэтому современные религии продолжают паразитировать на этом понятии.

И всё это в своих тщетных попытках принять смерть как факт. Понять её.

Пойми, Путник, смерть – ядро религии. Это единственно оставшийся сакральный элемент человеческой жизнедеятельности, который наука в логическом плане объяснить не может.

Ведь, если мы примем во внимание смерть биологическую, тут всё станет ясно: мы все умрём, потом сгниём, наш разум уйдёт в небытие.

Но если впереди – небытие, то какая разница, как ты прожил свою жизнь, что ты делал полезного? Что не делал? Нет никакой разницы. Потому что ты ничего не вспомнишь, ты просто умрёшь и распадёшься на молекулы.

При таком научном подходе можно идти и смело ложиться на рельсы: всё равно ты умрёшь. Причинишь ли ты боль своим близким? Да, безусловно. Вот только и они умрут скоро, так же как и ты.

Естественно, религиозным деятелям этого не надо. Ведь тогда у них не будет паствы – некому будет проповедовать. Соответственно, они потеряют власть.

А власть, Путник, – сильнейший наркотик. Вкусишь раз – затуманит разум напрочь. Неужели ты думаешь, Путник, что ни один из правителей, сосредоточив в своих руках всю полноту тиранической власти, не предполагал, что его могут свергнуть, жестоко пытать и в итоге убить. Конечно, предполагал, но ничего не смог сделать. Потому что все они наркоманы. Ты видел наркоманов, Путник?

Это ужасное зрелище. Полная деградация личности и превращение в животное. Наркотики убили тысячи людей.

Но власть, будучи самым сильным наркотиком, убила миллионы и убьёт ещё больше. С иглы не слезть.

Почему из правителей арабских стран никто не сдал власть добровольно (Сирия, Ливия, Египет)? Потому что они все наркоманы. И даже если у него в подчинении всего один солдат, но он исполняет приказы, то наркоман может жадно глотать последние капли власти.

И физическая смерть не так страшна, как потеря власти. Даже если это будет очень жестокая физическая смерть.

Потому что мозг отравлен наркотиками – властью.

А у порога уже новые наркоманы, пока ещё революционеры. Свободные, которые уже вкололи первую дозу.

И, как только старый правитель-наркоман будет свергнут, они первым делом заберут у него его наркотики и запустят механизм по-новому.

То же самое с религиозными деятелями.

Именно поэтому при всей своей положительности и доброте религия человечеству не сделала ничего хорошего. И это парадокс.

Многие войны были спровоцированы диктаторами-фанатиками.

А человек в обществе одинок. И даже самый распоследний расподонок стремится к прекрасному. Задумывается: «Что будет, когда я уйду, что после себя оставляю?»

И религия помогает индивидууму «спастись» перед угрозой смерти. Очистить свои помыслы. Для этого нужно соблюдать определённые заповеди, и всё.

Но так как религия – структура властная, то и, помимо добрых и хороших заповедей, накладывает другие обязательства на верующих.

Например, защищать эту самую веру. Ну а, как правило, лучшая защита – нападение.

Власть правителей даже в наше время держится на религии. Представьте: Африка, Ближний Восток, постоянные столкновения между разными религиозными конфессиями.

А как выгодно... Поставщикам оружия, например.

И вот представь, Путник, если убрать элемент культа смерти из каждой религии? Останется ли паства у жрецов? Останется ли власть? Людям нечего будет искать в этих псевдоучениях.

А сможет ли наркоман отдать свою власть?

Мы думаем, что нет.

Итак, Путник, я надеюсь, ты осмыслил предоставленную информацию. Ответь сам себе, Путник: ты желаешь освобождения?

Если да, то попытайся вспомнить свой первый день на этой земле.

Попробуй подумать над этим. Какое твоё самое раннее воспоминание?

Не правда ли, что в памяти всплывают какие-то неточные обрывки произошедшего. И, возможно, если бы родственники не напоминали тебе о них, они бы ничем не отличались от твоей фантазии или сна.

Но всё же что-то ты помнишь. Картины ломаны и не всегда понятны.

Моё первое осмысленное воспоминание относится к 2 годам моей жизни. Жили мы ещё в СССР. Мои родители получили квартиру от завода, на котором работали (в советское время можно было получить квартиру бесплатно, если ты слишком юн, Путник, и не знаешь об этом), и делали ремонт там. Всё по-простому.

Чтобы я не мешался под ногами, меня отвезли в деревню, а сами поехали в город производить ремонтные работы.

Но на месте мне не сиделось, и я сбежал от бабушки за мамой и папой. Естественно, мои маленькие шаги не могли угнаться за родителями, и я безнадежно отстал. Сначала за холмом просёлочной дороги скрылись их спины, затем силуэты, и они ушли.

Я продолжал свой путь по дороге, которая вела к аэропорту (там же был автовокзал). Возле аэропорта меня встретила какая-то женщина, удивилась, что я, такой маленький, тут гуляю без родителей, и, как подобает законопослушной женщине, отвела меня в милицию.

Я отчётливо помню милицейскую комнату аэропорта. Милиционеры шутили. Кто-то даже принёс конфет. А мне, как ребёнку, было очень интересно там находиться. Это же был аэропорт!

Потом за мной приехали родные.

Дальше я не помню ничего чёткого. Бабушка и дядька рассказывали, как они обнаружили мою пропажу, как чуть не сошли с ума. Как дядя обшарил все колодцы в округе. Потом решил ехать на велосипеде в аэропорт.

Это уже я всё помню с их слов.

Но совершенно не значит, что этого не было. Наоборот, доказывает, что наша память не способна воспринять весь цикл событий, которые мы пережили в детстве.

Так, человек в старости уже многое не помнит из своего детства, молодости. Но, повторимся, это не означает, что детства у него не было.

А теперь попробуй вспомнить что-нибудь до твоего рождения. Что, уже интереснее? Ты думаешь, что до твоего рождения тебя не было? Ты ошибаешься, ты просто не помнишь. Точнее, помнишь, но не всё. Помнишь слишком разрозненно, скомканно. Эти отрывки памяти нельзя составить в какой-то определённый рисунок, но они отчётливо проявляются в твоих мечтах и снах.

Ты ведь просыпаешься иногда и понимаешь, что во сне было почти как в реальности? Конечно, такое бывает.

Ты постоянно ощущаешь, что где-то ты это уже видел, что всё это с тобой уже случилось. Дежавю.

Всё это не случайно, Путник.

Истина в том, что смерти нет.

Если бы учёные в своих изысканиях относительно биологической смерти были правы, то наша жизнь была бы бессмысленной.

Планете Земля уже 10 млрд лет. Это приблизительные числа, потому что история – наука не точная. В действительности история вообще не наука, но об этом – в другой раз.

Опять-таки согласно данным учёных, 65 млн лет назад на Земле вымерли динозавры.

Ты можешь себе представить отрезок времени в 65 млн лет, учитывая то, что средняя продолжительность жизни человека – 55 лет (как отступление: возникают вопросы по пенсионным реформам хотя бы в нашей стране, где мужчины уходят на пенсию в 60, а женщины в 55, но предполагается, что пенсионный возраст увеличат ещё на 5 лет, и тогда он станет окончательно несовместим с пенсионерами)?

Ты пытаешься сейчас осмыслить это. Вот динозавры, вот млекопитающие, пещерные люди, древнее время, Средние века, ты – в настоящем. И тебе отведено всего в среднем 55 лет. Твой разум отвергает эту информацию. Он отвергает эту мысль. Ты чувствуешь барьер в своём разуме почти физически.

Ведь если он поймёт, то ты поймёшь, как ты мал, как крупинка песка на берегу моря. И эта крупинка, в отличие от песчинки, всё равно должна будет уйти в среднем через 55 лет из этого мира.

А сколько ты уже прожил? Сколько тебе сейчас лет, Путник? Много ли ты увидишь ещё зим, вёсен?

И это – истина. С этим глупо спорить. Но, поверь мне, Путник, в этом знании нет ничего плохого – наоборот. Это знание, находящееся как на ладони, – твой путь познания мира через новые ориентиры.

Посмотри на мир через призму этой информации.

Разве человечество не ничтожно? Получив такие возможности к созиданию, любви и строительству совершенной жизни, изучению всех сторон науки, познанию непознанного, что мы делаем всё это огромное количество времени? Воюем, грабим, хотим насытить своё бездонное тело всякими сомнительными «благами», завидуем друг другу. Мы стали даже хуже зверей, потому как такие пороки, как зависть, предательство и ложь, зверю неизвестны.

А всё почему? Потому что наша жизнь коротка, а после нас хоть трава не расти. И каждый пытается урвать кусок побольше.

Более того, масла в огонь, как ни странно, подливает религия. Ты же можешь спастись? Всего-то надо исповедаться. Бог простит, а Аллах милостив. Поэтому на аморальные стороны своей жизни можно как бы и не обращать внимания, ибо грехи твои отпустят, и всё, дорога в рай открыта.

Но каждый человек создан разумным существом, поэтому мы можем всё понять.

Смерть не представляет никакой опасности для человека, потому что в общем смысле не существует.

Мы повторимся, но если бы смерть была окончательным фактором, то всё наше существование бессмысленно.

Потому что время стёрло бы нас со страниц истории навсегда, как динозавров. И, если бы Вселенная не создала человека на этой планете, возможно, и про динозавров бы никто не узнал. По крайней мере, люди.

То есть конечная смерть – вещь нелогичная. Именно поэтому ей нет места во Вселенной. Так как законы Вселенной, законы природы – вещи очень логичные, и всё взаимосвязано. Именно поэтому смерти нет.

Смерть как явление всего лишь дверь, которую каждый из нас должен будет открыть...

А что за дверь?

Если ты, Путник, пройдёшь свой путь до конца в этом мире и откроешь дверь смерти, заходи в другом мире на страницы такой же книги. Мы откроем для тебя знание об истине в новом ключе.

З. Ы. Ну или не в новом. Просто читай. Наверное, ты уже утомлён нашими байками.

1

Истина

На экране большого 42-дюймового экрана происходило что-то невероятное. Всполохи битвы, воссозданной гением режиссёра и современными компьютерными технологиями, захватывали и поглощали зрителей.

Эффект усиливал стереозвук и 3D-система.

Шквал клинков, разрывы от выстрелов огромных осадных машин, головокружительная осада крепости, а также вихрь отрубленных конечностей как защитников, так и нападавших были воссозданы настолько реально, что с полной уверенностью можно заявить: наблюдавшие эту картину сами переносились в эпицентр событий, запечатлённых на экране.

Вот огромный осадный камень пробил брешь в укреплениях, и полчища врагов ринулись в осаждённый замок.

Защитники отчаянно пытались сопротивляться такому натиску, но попытки их были тщетны – все они были сметены ордами нападавших.

Шторм происходящей на экране бойни захватывал и погружал в этот ужас зрителя.

– Вот у людей какие проблемы раньше были. А ты всё «кредиторы, кредиторы», – поучительно сказала Жанна своему мужу.

Петрович нажал кнопку «пауза» на пульте управления.

Молча посмотрел на жену. Какое-то время он что-то обдумывал, потом просто бросил:

– Пойду покурю. Через пять минут вернусь – досмотрим.

На балконе Петровича уже ждала открытая пачка сигарет и ставшая неотъемлемой частью интерьера пепельница.

Всего каких-то полгода назад Петрович даже и не думал курить. Вообще, он был правильным мужиком: 30 лет, мастер спорта по боксу, капитан ВДВ в отставке, участник боевых действий.

Сейчас держал четыре точки на рынке. Не то чтобы деньги рекой лились (вкалывать приходилось много), но на жизнь ему и его семье хватало. Ну, и немного на большее тоже: машина подороже, чем у большинства, отдых летом получше, чем у большинства, квартира побольше, чем у большинства, ну и всё в этом духе.

И вроде бы всё шло неплохо, если бы...

Если бы капитан ВДВ в отставке не полез в одну очень сомнительную авантюру.

Первая затяжка в день самая лучшая. Сигаретный дым попал в лёгкие Петровича и разлетелся по всем сосудам и трахеям.

На смену статичной тревоги пришло кратковременное спокойствие.

Конечно, Петрович сам понимал, что совсем скоро сигареты потеряют какой-либо эффект: скажется полное привыкание. И вот тогда капитану придётся перейти на что-то потяжелее.

Рынок и сейчас пестрел всякими «легальными» препаратами и веществами, которые не обнаруживались в крови на приёме у нарколога.

На самом деле легальность указанных препаратов обуславливалась в первую очередь тем, что законодательная отрасль страны попросту не поспевала за химической.

И перечень наркотических препаратов и их прекурсоров пополнялся гораздо медленнее на бумаге, чем в окружающей реальности.

Вообще, Петрович думал уже над этим: ещё одна проблема его Родины в том, что фактические обстоятельства российской действительности имеют весьма косвенное отношение к нормативной привязке.

Законы составлялись по принципу сращивания власти и капитала, когда вместо того, чтобы регулировать экономические отношения, государство стало основным и подчас единственным (в некоторых областях экономики) игроком на рынке.

Конторы, осуществляющие какую-то коммерческую деятельность, имели определённую аффилированность с лицами в погонах, чиновниками и прочими властью имущими.

Вот взять хотя бы техосмотр. Ну зачем Петровичу его делать, платить за него деньги, когда транспортное средство ему нужно регулярно, и он постоянно за ним следит? На взгляд капитана, если ты едешь на машине, то ты знаешь её слабые и сильные места, постоянно за ней следишь. Меняешь запчасти или ремонтируешь. В противном случае ты просто не едешь.

Ну а что даёт эта обяzałовка? Где гарантия того, что, если человек заплатит денег, завтра у него не случится серьёзная поломка и, к примеру, не откажут тормоза?

Тем более по нашим дорогам, которых фактически нет.

У Серёги был случай: гнал новый автомобиль из столицы в нашу провинцию. На дороге камень отскочил и попал в стекло. Появилась паутина.

Но если бы Серёга не подошёл к инспектору с экономической точки зрения, то талон ТО бы ему не дали.

И таких моментов было сплошь и рядом.

Петрович знал это хотя бы по своей деятельности. Налоговые, роспотребнадзоры, пожарные – вот перечень малых проблем Петровича, которые можно было решить экономическими методами.

Но были и другие.

Те, которые изрядно не давали ему жить нормально уже полгода как.

Сейчас, спустя всё это время, капитан ВДВ попросту не понимал: как он мог в это влезть? Как мог поверить каким-то случайным людям?

А ситуация была следующая.

Когда у Петровича был уже маленький, но стабильный и налаженный бизнес, кое-какие нужные люди свели его с ещё одними нужными людьми.

В краткой беседе капитану разъяснили, что есть определённая возможность взять денежные средства в кредит на коммерческую организацию, а потом путём несложных юридических манипуляций кредитные деньги не платить.

Естественно, с Петровича требовалась работающая фирма, директор (читай: сам Петрович), а с людей – всё остальное: откаты банкирам и обеспечение невозвратности.

На встречу с капитаном приехали два молодых парня. Автомобиль, одежда и уровень разговора говорили о том, что люди не первый раз в деле.

Всё красиво расписав, переговорщики предложили свои услуги по получению кредита на 5 млн рублей.

Естественно, за эту услугу они просили вознаграждение, которое ни много ни мало составляло 1/5 указанной суммы.

Петровичу также разъяснили, что для чистоты операции и ухода от возможных юридических последствий необходимо вносить ежемесячные платежи по кредиту на протяжении трёх месяцев.

И как красиво говорили, черти.

Последней точкой в принятии такого рода решения стало поручительство одного хорошего знакомого капитана, который сказал: «Люди проверенные – не кинут».

Ну, а дальше ситуация развивалась уже не по сценарию.

Точнее, три месяца всё было нормально: Петрович платил исправно. На четвёртый перестал.

Начались звонки из банка. Вот тут-то и понял капитан, что его попросту киданули.

Нет, с одной стороны, всё правильно: в банк его никто не тянул, да и за язык тоже. Но «посредники» часть условий не выполнили, да ещё и пропали.

Пробив по своим каналам определённые данные, Петрович нашёл выход на ребят, которые непосредственно участвовали в выдаче кредита. При этом один из них работал в том самом банке, а другой был его, ну, типа агентом, что ли.

Разговор у них состоялся с капитаном интересный. Про тех двоих ребят на дорогой машине банкиры ничего не знают и никаких денег не брали.

Оказывается, никто не ставил никаких условий по уплате или неуплате кредита. То есть Петрович брал кредит на общих основаниях. Естественно, при отсутствии уплаты указанной суммы на общих основаниях он и должен понести соответствующую ответственность, вплоть до уголовной.

Ну, а этих двоих кидал, которые «подогнали» ему эту «тему», Петрович больше никогда не видел.

Зато познакомился с начальником службы безопасности банка «Первый сберегательный», начальником службы судебных приставов по Красногвардейскому району Иваном Бабиным и старшим следователем, капитаном юстиции – Виктором Иванюком.

И, надо признать, новые знакомства Петровича напрягали. И напрягали уже как полгода.

Один из них хотел описать всё имущество Петровича, другой «шил дело» по статье «мошеннические действия», ну а третий просто угрожал третьими лицами и скорой расправой, если капитан не заплатит деньги.

Но самое обидное было то, что на допросе следователя ни в коем случае нельзя было упоминать про исчезнувших после операции «подельников», потому что квалификация уголовной статьи тогда будет другой, а там и до ОПГ не далеко.

Петрович затушил сигарету в пепельнице, закрыл балкон и пошёл досматривать фильм. Интересно, чем же кончится.

2

Время

Это был очень старый лес. Он помнил многое. Сначала селения финно-угорских народов, потом поступь славян и места их языческих капищ, топот монгольских копыт, воинства захватчиков (поляки, французы, немцы).

Этот лес помнил всё. Каждую отдельно взятую историю, каждую деталь... И помнил всё это на протяжении двух тысяч лет. Он видел, как сменяются люди, их уклад, их верования, их правители, но никогда не сменялась их природа.

Если бы лес умел писать, он запечатлел бы удивительную летопись. Хотя говорят, что кольца внутри ствола дерева – это его своеобразное жизнеописание. По этим кольцам учёные могли узнать много информации, например: возраст дерева и что-то ещё...

Но, быть может, на языке деревьев всё было уже записано в этих самых кольцах? А ведь деревьев в этом лесу было несметное количество...

Кто знает?

Полторы тысячи лет назад в самом центре леса, на большой опушке, у берега тихой лесной реки располагалось языческое капище. Люди приходили сюда побыть наедине с природой, подумать о своём тленном существовании и отдать дань своим предкам-богам.

Со временем капище разорили потомки тех первых людей и поставили здесь новую обитель Бога – деревянную христианскую церковь, вокруг которой разрасталось селение – Слободушка.

Но человеческая природа такова, что человеку не ужиться в едином духовном равновесии с самими собой, поэтому церковь в 1054 году стала православной.

Спустя какое-то время, через 600 лет, один из князей – потомок Рюрика – вместе со своей семьёй и своими холопами приехал в Слободушку, пожалованную ему государем за вольнодумие и попрание церковных законов.

По сути это была просто ссылка.

Ну не мог понять князь значения в крещении тремя перстами. Все предки его крестились двумя.

Конечно, за всеми этими реформами скрывалась просто банальная борьба за власть, но методы её – самые жестокие.

Власть имущие просто предоставили выбор: или крестись по-новому, или умри. Третьего не дано.

И, к своему сожалению, князь проиграл в политической борьбе и должен был отправиться в ссылку.

Они приехали в Слободушку и начали жить. Построили новую деревянную церковь вместо покосившейся старой. И всё бы ничего, если бы время опять не внесло в жизнь простых людей свои коррективы.

Прошло ещё 300 лет, и село перестало существовать. Его забрал лес в свои владения.

Сначала сменилась власть царя на власть Советов, потом был НЭП, индустриализация, коллективизация, война и перестройка.

И за эти года Слободушки не стало. Время отбросило надобность в таком старообрядческом патриархальном укладе, стёрло границы между верующими.

Молодёжь покинула село и отправилась в города. Старики остались доживать своё время в селе.

Уже к концу 80-х годов XX века Слободушка полностью опустела.

А ещё 30 лет запустения пробудили лес.

Как будто лес пожалел Слободушку, покинутую своими жителями раз и навсегда, и укрыл в своих объятиях.

Он вернул её к природе.

Уже мало что напоминало о том, что здесь когда-то было большое селение, населённое работающими и зажиточными семьями. Возможно, только остатки каменных печей домов, заросшее кладбище и останки старой деревянной церкви напоминали об этом. Её стены покосились. Позолоченный купол с крестом упал и давно заржавел.

Поросший мхом и изъеденный ржавчиной, он представлял жалкое зрелище.

Это место было покинуто. Ни один человек больше не придёт на проповедь, ни один мирянин больше не ступит на некогда священную церковную землю.

И именно это место облюбовало Великое Лихо. Оно ждало и готовилось 300 лет. Нет, оно не забыло. Оно всегда было рядом.

И в этот момент оно пришло. Пробралось в наш мир из преисподней.

Тучи почернели, смолкли все животные, а в покосившихся оконных проёмах старой церкви вспыхнул свет.

Но ничего общего со святостью тот свет не имел, напротив, от него веяло богохульством и развратом. От него веяло тьмой.

И тьма была уже здесь.

Она распространилась по принципу «если вам не нужно, то нам сойдёт». И некогда покинутое святилище стало порталом для Великого Лиха.

Из остатков дверного проёма вылетела стая чёрных ворон.

Никто не смог бы сосчитать количество этих птиц. Да и птицами в действительности они не являлись. Просто образ, запечатлённый на задворках сознания, окутанного ужасом.

Облако призрачных ворон взмыло над покосившимися старыми церковными стенами, насмехаясь, пролетело вокруг покинутого храма и устремилось прочь от древнего места по чёрному небу.

Но так получилось, что пришествие великого зла на грешную землю не осталось незамеченным для глаз смертных.

Старый мирянин Тихон пришёл на забытое кладбище почтить память предков.

Верный старый пёс Пятнышко трусливо жался к ногам Тихона, поджав уши и опустив хвост.

– Ишь ты, нечистая, – произнёс мирянин, перекрестившись двумя перстами. – Не думал, что на моём веку такого прибудет. Окаянный их сдобал.

Тихон ещё раз перекрестился, помянул Господа нашего Иисуса Христа, потрепал за ухо испугавшегося пса Пятнышко и побрёл в сторону своей деревни. Путь был неблизкий, а у Тихона было мало времени и много дел.

3

Стая

Чёрные вороны летели с огромной скоростью в сторону автострады. То расстояние, которое обычный человек прошёл бы за неделю до так называемой «цивилизации», демоны покрывали за минуты.

И вот перед стаей призрачных птиц открылся тонкой нитью, разрезая дремучие леса насквозь, один из оплотов современной человеческой цивилизации – автотрасса, ведущая в сердце одного из самых могущественных государств человеческого мира.

Вороны повернули и неслись уже прямо над дорогой какое-то время. Затем постепенно начали снижать высоту. И вот уже через считанные минуты их призрачные крылья коснулись ровного дорожного полотна.

Глаза сторонних наблюдателей, увидев эту картину, тотчас же ослепли бы. К счастью для самих же людей, никого рядом не было.

Между тем птицы, парившие почти вплотную к дорожному полотну трассы, не снижая скорости, начали терять свои очертания.

Их крылья стали размытыми, чёрные глаза исчезли вовсе, клювы стали бесформенны.

Через долю секунды образ птиц уже вовсе перестал угадываться. Казалось, что над дорожным полотном парят полупрозрачные обрывки лоскутов.

Затем лоскуты начали соединяться между собой, переливаясь чёрным и не отражая света.

И вот над дорогой уже парило огромное лоскутное полотно, причудливо полыхая на ветру.

Своими четырьмя концами полотно уже касалось дороги, постепенно обретая земную форму.

Спустя долю секунды остатки лоскутов создали действительный образ.

Теперь по автотрассе мчался чёрный автомобиль. Какое-то время это был «Ауди V8», потом форма автомобиля изменилась на БМВ в 38-м кузове. Ещё через десять минут автомобиль принял форму мерседеса CLS 450 чёрного цвета 1974 года выпуска. И, видимо, больше не собирался меняться.

Зловещий автомобиль вёз двоих существ, визуально неотличимых от людей.

За рулём сидел высокий мускулистый мужчина лет тридцати в строгом костюме.

Его спутник сидел на соседнем месте. Он был парнем лет двадцати пяти от роду. Тощего телосложения. Одет в джинсы и гавайскую рубашку. На его коленях располагался открытый ноутбук. Парень активно набирал какой-то объёмный текст.

Глаза обоих были скрыты за тёмными очками.

В обычных обстоятельствах демоны не могут существовать в мире смертных.

Представьте человека, попавшего в открытый космос без скафандра. Этому несчастному не суждено выжить там в силу совершенно иных физических условий.

С демонами примерно происходит то же самое. Однако, являясь нематериальными сущностями, демоны могут как бы натягивать свой собственный «космический скафандр» – человеческое тело.

Таким образом, в мире людей издавна были известны случаи одержимости, когда слабый духом человек идёт на уговоры демона и как бы пускает его в своё тело взамен на лживые богатства, блага и даже чудеса.

Естественно, демон, обретавший полный контроль над человеческим телом, сразу забывал про все свои обещания и отдавался всем смертным утехам, какие мог вообразить его извращённый мозг.

Однако к нашим новым знакомым эти постулаты отношения не имели. Они были рождены особой тёмной целью, глубины которой восходили к тайным уголкам вселенского человеческого сознания.

Они были не просто демонами, но порождением всех тёмных человеческих пороков, собранных временем за всё существование людей на этой грешной земле.

– Долго ещё? – без особой заинтересованности спросил водитель.

– Да, ещё пару глав, – спокойно ответил пассажир, не отрываясь от набора текста.

– Успеть бы, – вскользь бросил качок. – В этот раз что-то долго мы выходили. Я уже начал сомневаться...

– Не очкуй, – парировал парень и взглянул на часы. – Как раз когда я закончу, подъедем к больнице. Успеем. Если что, тормознём время.

Мускулистый утвердительно кивнул в знак согласия с выбранной тактикой и добавил:

– Ты, это... В этот раз пиши побольше про баб, там... Про чревоугодие. Ты же знаешь, запреты и призывы к благочестию, как красная тряпка для быка. Стоит помахать – и люди точно всё извратят своими грязными помыслами.

– Что я, не знаю, что ли? – молодой возмутился. – Мы учли весь накопленный опыт.

Водитель продолжил:

– До выезда мы проводили определённые исследования в этой области. Знаешь, чем занимаются благочестивые арабы в тюрьмах израильтян?

Молодой, конечно, знал, но не стал отвечать: был занят созданием текста.

– Пишут доносы друг на друга, уличая, кто и как совокуплялся с родными братьями и сёстрами. – Демон помолчал некоторое время, а затем добавил: – Вот до чего воздержание доводит. Ну, а про местного патриарха и всю его братию священников тоже всё верно. Я, конечно, не понимаю, как самые дорогие автомобили соотносятся с аскетичным образом жизни... У католиков ещё интересней: с бабами нельзя. А вот про маленьких мальчиков мы им ничего не написали.

Демон вздохнул:

– Прав ты тогда был. Не стоило писать, – водитель обратился к коллеге, но тот был погружен в работу. – Иисуса всё-таки по-своему жалко. Смотрит он сейчас на всё это дело и, наверное, расстраивается.

Казалось, демон о чём-то задумался. Лик его погрузнел, сожалея о чём-то.

– Хороший был мужик, – вздохнул демон. – Не то что эти...

А потом добавил через какое-то время:

– Но дурак был...

Чёрный мерседес уносило по пустынной трассе, ведя к неназванной цели его пассажиров.

4

Боли Виталик уже не чувствовал. В том смысле, в котором он понимал и ощущал боль до этого своим разумом и телом. Он понимал, что его глазницы лопнули от жара окутавшего его пламени. Виталик не чувствовал конечностей, потому что знал, что руки обуглились, а ноги были придавлены огромной деревянной балкой перекрытия. И жить ему осталось всего несколько минут. Вот так вот он и уйдёт, ничего не достигнув в этой жизни, полной разочарования и несбывшихся надежд.

Несмотря на эти удручающие обстоятельства, душа его была спокойна как никогда. Он не гордился тем, что он сделал, но и ни капли не жалел. Что ж, если ему суждено уйти так, то он не устрасится этого.

Ещё каких-то двадцать минут назад Виталик возвращался домой из института, и ничто не предвещало беды.

Знакомые переулки провинциального города. Вечно ремонтируемые дороги, которые находились, как всегда, в ужаснейшем состоянии. Невысокие кирпичные пятиэтажки и тополиный пух. Этот пух конкретно бесил. Этим летом его было особенно много. Он летал повсюду, ложился на крошившийся асфальт убогих дорог, залетал в нос, в глаза. От него было сложно дышать. Автовладельцы поминали его добрым матёрым словом, потому что, залетев в салоны автомобилей, он представлял неприятности.

Единственными радующимися ему жителями города были дети. Они бегали с коробками спичек или зажигалками в поисках залежей уже отлетавшего пуха и поджигали его где ни попадя. Особые энтузиасты из них составляли пуховые дорожки приличной длины, чтобы потом поджечь и наблюдать за огненным действием.

Иногда так случается, что страшные вещи происходят не потому, что в этом заинтересован кто-то злой или нехороший. Не всегда великой беде предшествует чёткий план действий по её реализации. Напротив, за ней стоят, скорее всего, глупость и халатность.

Этот раз исключением не стал.

Дети подожгли большую кучку пуха, которая, как бикфордов шнур, привела огонь к стоящему рядом старому деревянному детскому дому.

Это убогое на первый взгляд здание, казалось бы, по задумке властей специально находилось в тени высоких тополей, спрятанное от глаз прохожих и, разумеется, самой власти.

Напоминание о таком позоре страны, как детские дома, не входило ни в чьи планы. Проблема есть, но решения её не придумано, поэтому про неё лучше забыть. Отложить в долгий ящик.

Особенно когда речь идёт не о простом детском доме, а месте, где содержатся отказники-груднички с различными отклонениями.

Не факт, что у этих детей нет родителей. Бывало и так, что к стенам этой серой обители своих неполноценных чад привозили на роскошных автомобилях. Действительно, богатым и успешным родителям, добивающимся своих высоких целей, не хочется каждый день смотреть на свой самый большой провал в своей жизни – «некачественных» детей.

Именно поэтому ни пожарные, ни скорая не спешили особо на помощь в этот дом скорби, который уже через десять минут был объят пламенем.

Обслуживающий персонал поспешно ретировался. Уборщица Надя поспешно несла с собой новенький ноутбук, купленный неизвестным спонсором.

Остальные сотрудники не отставали в рвении по спасению имущества детского дома.

Вот только все забыли про детей. А может, просто и не вспомнили?

Виталик знал, где находятся дети, потому что проходил тут практику, будучи студентом медфака. И он знал, что, кроме него, их никто не спасёт.

Ещё на практике Виталик заметил, что персонал и не скрывал своего отношения к таким новорождённым. Двадцать невинных душ. Невинных по рождению и невинных в своём посмертии.

Мимо студент пройти не мог.

Вся жизнь пронеслась перед глазами.

Вот он сидит у лесной речушки, маленький, на коленях своей бабушки. У него в ручках маленькое лукошко. В нём – только что собранные ягоды черники. Бабушка рассказывает ему всякие дивные истории.

– Речка эта называется Слободушка. Наша эта река, внучек, – начинает свой рассказ бабушка. – Если пройти вверх по течению, то придёшь напрямиком в нашу усадьбу старую. Мало что осталось от неё. Я ещё девкой была, уже всё обветшало, а папка твой уже и не видел, считай, ничего. Мне мой дед рассказывал, что, когда маленьким был, красота была неопишная там. Что же, предки следили за всем.

Бабушке тяжело говорить, она тяжело дышит и, кажется, сейчас заплачет.

– А мы вот не уследили за всем, – продолжает она с придыханием. – Скоро и села не станет. Папка твой уже и не появляется почти. В город зовёт к вам. Да как же я уеду-то, как же оставлю всё? Ведь тут уже нашего роду и не осталось никого. Все троюродные и двоюродные ещё, когда уехали. Одна я осталась тут.

Бабушка, наконец, не выдерживает и срывается на тихий плач:

– Но ты, Виталька, не забывай, какого роду ты, племени! Нас братья родные в свои века еретиками заклемили и сюда выслали. А в тебе княжеская кровь течёт! Не забывай это. Двумя перстами крестить, крестик носи, что я подарила тебе. Когда бабушки не станет, вспоминать меня будешь.

Ещё какое-то время они сидели так молча.

– Пойдём, Виталик, в избу, я тебе грибочков пожарю – лисичек. Вкусные они больно у нас тут. Где ты ещё в городе лисичков попробуешь?

Почему-то это были последние осмысленные воспоминания Виталика.

А потом он прыгнул в огонь.

Пятнадцать детишек Виталик достал довольно быстро. Он просовывал их в проёмы окон, и кто-то уже на улице их подхватывал.

Виталик не знал, были ли они живы или нет. На рассуждения не было времени. Дым становился более едким, а жар невыносим. Зрение практически отказало.

Среди треска разгневанного пламени Виталик ещё слышал крики новорождённых. В шестнадцатый раз он побежал от спасительного оконного проёма в адское пекло. В шестнадцатый раз он шёл по объётому пламенем коридору.

Что-то изменилось. Он чувствовал это, ощущал. Он ощущал ужас. Он ощущал Великое Лихо. В горящий проём палаты буквально в десятке шагов от него вползло нечто.

Что это? Виталик спятил? Наверное, дым, которым он уже дышал, как воздухом, подействовал на него галлюциногенным образом.

На секунду он застыл в коридоре, только для того чтобы откинуть все сомнения, и вошёл в шестнадцатый раз в палату.

Это было безумие. Над оставшимися в палате детьми склонилось нечто. Нечто бесформенное, чёрное, страшное. Казалось, оно тянет свои бесчисленные конечности-крюки к младенцам.

Виталика обуял ужас и вместе с тем освобождение.

Неважно, видит ли он это чудовище наяву или это его галлюцинации, важно одно: он – здесь, бросился в огонь, чтобы спасти детей. Всё остальное не имеет значения. Возможно, это смерть пришла за малышами и за Виталиком, возможно, он уже давно умер и лежит где-нибудь придавленный обвалившимися стенами и глотает отравленный дымом воздух.

Что ж, тогда всё действительно неважно. Но, даже мёртвый, он будет бороться до конца. Бесформенные конечности-крюки почти дотянулись до чистой души невинного младенца, когда в тот же момент они были перерублены мечом.

Тень взвизгнула. Отрубленные руки его сразу же загорелись. Чудище обратилось в сторону Виталика.

Виталик переменялся. На тень смотрел воин. Он был облачён в древние кольчужные доспехи искусной работы. Его голову венчал остроконечный шлем. На пряже золотого пояса был выгравирован герб – сокол, пикирующий вниз на добычу. За спиной развевался красный плащ, который уже пожирал огонь. В руке князь держал меч, направленный в самое нутро чёрной твари.

Но Лихо сдаваться не собиралось. В мгновение ока из его бесформенного тела выдвинулись две конечности, сжимающие изогнутую и ржавую косу.

Виталик занёс свой меч для удара и послышался скрежет: металл столкнулся с металлом. Объятые пламенем противники начали свой танец мечей в огненном пламени. Тьма не могла победить, но могла отступить. Виталику же, напротив, было мало победы, чтобы выжить.

Очередным взмахом князь перерубил древко ржавой косы, и тьма на секунду замешкалась. В это самое время Виталик вонзил свой клинок в её бесформенное тело.

Чудище истошно взвизгнуло и исчезло в клубах пламени. В эту же минуту на Виталика обрушились потолочные перекрытия.

Так он и лежал какое-то время, сильно обгоревший, лишившийся органов зрения, слуха, рук, со сломанными ногами, придавленными огромной старой деревянной балкой, на которой во всю уже бушевало пламя.

Его последние мысли были спокойны и чисты. Он умирал с чувством выполненного долга.

И он не заметил уже, как в объятые пламенем остатки детского дома пришли пожарные. Ему уже было всё равно.

Если бы он мог закрыть глаза, он бы уснул, но у него не было больше глаз и век. Он не увидел бы, как на машине реанимации остатки его ещё живого тела на огромной скорости везли в городскую больницу.

Виталик провалился в подсознательную кому, вызывающую в его голове обрывки генетической памяти.

5

Группа воинов двигалась уже третий день по лесам и равнинам к своей цели. Во главе отряда стоял тысяцкий князя Владимира Святославовича – Осока Первославич. Ветер ласкал уставшее лицо всадника. Солнце уже было довольно низко над горизонтом, но до заката было далеко.

Конечно, указы князя обсуждать не велено, да и не правильно как-то, но от навевающей скуки Осока предавался различным размышлениям.

На самом деле он просто устал. Устал от, казалось, уже вечной гонки за язычниками и старыми порядками. Смешно представить, тогда, ровно три года назад, когда войска князя разорили Полоцк и надругались над местным правителем, немало было добыто церковной утвари в местных храмах Божьих.

Священников, правда, тогда не тронули (князь не велел), но и содеянного было достаточно, чтобы по новым обычаям жариться в Аду.

Осока боязливо перекрестился.

Прошёл ровно год после крещения, и тысяцкий уже начал привыкать к новым обрядам. Бабка Великого князя ещё в те времена крестилась в Царьграде, а внук её, стало быть, со всем людом только вот недавно.

Тем не менее, несмотря на поднявшийся авторитет Руси, относительно правильности княжских поступков и растущей мощи государства на задворках сознания Осоки жили сомнения.

Ну не мог он забыть картины изнасилования княжны Рогнеды, тогда уже христианки, язычником, пусть и князем.

Да ещё и на глазах у родных, которых потом казнили.

Нет, в тот момент сомнений у тысяцкого не возникало. Своенравная княжна отказала Великому князю, унизив и оскорбив его. Ещё три года назад никто бы и не придал значения этому факту, как какому-то кощунственному акту: всё было в прядке вещей.

Важно было, что случилось потом. Князь и близкая свита его, а потом и весь люд киевский приняли христианство, как христиане православные.

И вроде бы и Бога единого узрели, и благочестивее стали, да вот только...

Оказалось, что жили-то они не по праведному, грешили все. Но Осока-то понимал, что жил по обычаям дедовым.

И эта мысль ему казалась какой-то неправильной, какой-то мерзкой.

Её надо было откинуть в сторону. У него есть указ князя, и его исполнить надобно. Тем более что уже впереди замаячили деревца старой роши.

Тысяцкий ускорил коня. За ним последовало его воинство.

Из колонны всадников, опережая всех, мчался Лонга. Мчался так, будто показавшаяся роша притягивала его магнитом сильнее остальных.

Осока побаивался этого человека. Он не был частью его дружины. И формально не подчинялся указам князя. Человек церкви. Тайный надсмотрщик за всеми. С момента крещения на Руси таких появилось много.

И вроде бы беспокоиться было не о чем: служитель церкви в тёмной робе, без оружия, который вёл аскетический образ жизни. Вот только думать о нём спокойно тысяцкий не мог. Главное было непонятно: кому он служит и какую роль играют такие, как он, во всём происходящем. Окружили князя со всех сторон. Дают указания, наставляют в благочестии. Однако не только духовной сферой ограничивалась их деятельность. Дай им волю, эти сформируют совсем иной уклад жизни. А в действительности они кто? Чужеземцы. Хоть и единоверцы теперь.

Рассуждения эти были уже явно крамольные, и Осока с момента присоединения блюстителя веры к его дружине находился в дурацком положении. С одной стороны, перечить святому человеку не следует, с другой, иногда Лонга открыто настаивал на выполнении именно его указаний в делах дружины, которые к церковным отношениям совсем не имели.

Это всё вызывало недовольство и ропот воинов.

В Киеве, конечно, находились глупцы, которые открыто выступали против нравучений чужеземских. Осока сам отрезал пару языков этим отступникам. Ну а вот теперь, находясь в походе по истреблению языческих святилищ, уже как год наедине с Лонгой уличил себя в тайной крамоле.

Благо поход их близился к завершению.

Языческое святилище отличалось от остальных. Не было тут следов частых посетителей. Опушка заросла травой. На капище был установлен только один деревянный идол. Столб высотой сажени три представлял собой изображение стилизованного змея.

Возле идола не было ни подарков, ни жертвенных вещей, словно люди и не ходили сюда. И святилище это было вовсе не святилищем.

Но Осока знал, что за Богом тут молились и кто.

Это было святилище Чернобога, Чёрного Змея, Повелителя нави.

Подле идола на пеньке сидел человек. Лица, как и стати его, видно не было, потому как фигура его была окутана серой робой, а на чело надвинут капюшон, не позволяющий определить возраст.

Ясно было только, что это мужчина.

Осока невольно вздохнул.

Обычно, как весть приходила о святом крещении в отдалённые районы земли русской, все жрецы и идолопоклонники бросали богов своих и с радостью крестились.

Конечно, скорее всего, делали они это из-за не радужной перспективы быть наказанными князем, но тем не менее истинного Бога жители принимали мирно. В целом. Были, конечно, и исключения.

Две недели тому назад Осока лично зарубил двоих жрецов Перуна и четырёх сельчан, которые вилами встретили дружину.

Лонга тогда сказал: «Бог простит, ибо дело богоугодное делаем». Тысяцкий немного успокоился, но вид изрубленных им самим соотечественников и речи чужеземца выглядели страшно.

А ведь лет пять назад за такое и головы было не сносить – убийство соплеменников в святых рощах. Это ж какое злодеяние!

Вот и этот сидит, остался из последних. Печально поглядел Осока на человека: видимо, опять обагрят меч его землю-матушку родной кровью. В надежде тысяцкий посмотрел на Лонгу.

Тот не был омрачён, наоборот, прыть его скакуна обуславливалась именно тем фактом, что отступника постигнет наказание.

Дружина взяла человека в сером в кольцо.

– Назови себя, жрец! – начал разговор Осока.

Мужчина повернул голову в сторону воина, и из-под капюшона раздался зрелый и уверенный голос:

– Какой же я жрец, воин? Разве думаешь ты, что я ритуалы здесь какие справляю?

– Я вижу, что ты сидишь в языческом идолище, а по указу князя все места эти должны быть огню преданы, – ответил Осока. – Али ты княжьем указам не следуешь? Покажи лицо своё и назови себя.

Мужчина медленно откинул капюшон с лица.

На вид ему было лет сорок. Осока сразу понял, что перед ним воин, и воин не из последних, из варягов.

– Когда это наёмники варяжские языческим идолам молиться стали? – уже более спокойно спросил Осока. То, что иноземца убивать не придётся, сильно облегчило его душевное спокойствие.

– Кто сказал тебе, воин, что я молюсь идолам? – спокойно отвечал варяг. – Я почитаю Господа Бога нашего Иисуса Христа. А имя моё подскажет тебе спутник твой.

Последние слова выскользнули из уст иноземца с явным презрением к Лонге, после чего варяг сплюнул.

Лонга же, напротив, не выглядел удивлённым, увидев иноземного воина, и совершенно спокойно, без каких-либо эмоций держал слово:

– А, друг Торвальд! Рад тебя видеть. Мы уж с дружиной думали, что ты язычник немый. Хотели тебя стрелами наспиговать!

Церковник насмеялся.

Осока тут же понял, что перед ним не кто иной, как Торвальд Путешественник – креститель Полоцка.

– Не могу сказать тебе то же самое.

Всем своим видом Торвальд показывал своё неприязненное отношение к церковнику.

Со стороны всё это казалось странным для тысяцкого. На его глазах происходила скрытая перепалка между двумя людьми одной веры. Тем более люди эти не были такими, как тысяцкий и его дружина. По сути, Осока и его воины ещё вчера были язычниками. Для полного осознания новой веры должно было пройти какое-то продолжительное время. Торвальд же был выдающийся миссионер того времени. О его похождениях слагали целые саги. Он ходил по языческим землям и просвещал местное население. Он строил много храмов. Он построил храм Христов в Полоцке за какое-то время до крещения Руси.

Лонга же был греческим миссионером, который прибыл вместе со своим начальством на Русь. Эти люди несли слово Божие варварам и участвовали в походах дружин по уничтожению языческой веры.

Таким людям полностью и безоговорочно доверял князь.

При этом разница между двумя этими людьми была видна невооружённым глазом. Если Торвальд был ко всему прочему могучим воином, который даже сейчас всегда носил с собой меч, то Лонга был простой книжник. Он не носил с собой никакого оружия, кроме слова.

– Что скучаешь здесь, в этом языческом обиталище? – усмехнулся Лонга, обращаясь к Торвальду. – Решил взяться за старое?

Торвальд резко встал и схватился за рукоять своего меча. Лонгу это ещё больше раззадорило.

– Что же ты, поднимешь руку на своего брата-христианина? За что? Защищаешь своего божка-идола?

Торвальд медленно и гневно начал подходить к церковнику. Его лицо было сосредоточено. Рука всё ещё была на мече.

Осока ничего не понял, чем была вызвана такая вражда между христианами, но однозначно знал, что это всё нужно прекратить.

Он преградил своим конём дорогу воину.

– Полно тебе, Путешественник, – примирительно начал тысяцкий. – Мы люди не книжные, всех ваших дряг не разумеем, но кровь христиан здесь проливать не позволим.

– А я кровь христиан здесь и не собираюсь проливать, – с натугой ответил варяжский миссионер. После этих слов он, казалось, успокоился. – Змею вы за пазухой пригрели. Многие беды его действия приведут в дальнейшем.

Тысяцкий нахмурил брови:

– Заслуг твоих, Путешественник, перед Господом нашим не умаляем, но скверну возводить и напраслину на людей Божьих не позволим. У нас, в конце концов, княжий приказ. Да и на вопрос ты не ответил: что делаешь здесь?

Торвальд убрал руку с меча и уже совсем ровным голосом отвечал:

– Думаю, я здесь, воевода. Место тихое да спокойное.

– Как же оно тихое и спокойное, когда сатанинским язычеством осквернено?

Тысяцкого ответ варяга не удовлетворил.

– Где же тут сатанинское язычество? Роща берёзовая, опушка. Там, внизу холма, течёт речка. Тихо, спокойно. А идолище... – Торвальд вздохнул. – Идолище вы это не уничтожите. Сильно оно очень. Это вам не гром-молния и не солнце красное. Оно древнее всего. Со злобой людской родилось на заре эпох, так со злобой и умрёт. А идолы... Всего лишь статуи.

Тут в разговор встрял Лонга:

– Что же ты, Путешественник, не веришь в спасение Христово? Сам в Бога уверовал в истинного давнее многих здесь на Руси, но речи языческие держишь. Али не веришь, что к Христу можно через свет прийти и победить злобу людскую?

– Злобу людскую как же победить? Верим-то мы в хорошее, а дела делаем плохие, – сокрушённо отвечал варяг.

Лонга не унимался:

– Да знаешь ли ты, что с приходом на Русь веры Христовой сколько уже порядков зверских устранилось?

– Это каких же? – Торвальд возмутился. – А что, давеча, до крещения, можно было женщин насильничать на глазах у родни?

Тут уже возмущаться надо было тысяцкому, потому как варяг недвусмысленно намекнул на деяния князя в Полоцке.

– Ты последил бы за языком, а то не ровён час...

Договорить ему Торвальд не дал.

– Что, не ровён час? Клещами язык вырвешь? А где же твоё смирение христианское? В головах у вас зло. Думаешь, князь твой женщин неволил, насильничал, грабил и убивал соседей? Да что там соседей! Братьев убивал. И тут на тебе – крестился и уже святой? Не спасение это в свете, а агония. Вот там ваш властелин. Не Христос. – Торвальд указал рукой на идола Чернобога. – И не убьёте вы его, ибо с вами он вечно. Смотрит за вами и наблюдает. И всё равно ему, какой веры вы: что язычники, что Христиане; всё равно вы, покуда разумом зло своё воплощаете, паства его.

Осока уже готов был достать меч из ножен, но Торвальд его опередил. Молниеносным движением он проскочил мимо тысяцкого, достал на ходу меч, прыгнул в сторону Лонги.

Казалось, ещё немного – и церковник будет разрублен надвое, но тут случилось невероятное.

Мгновенно Лонга вытянул вперёд безоружные руки, с которых тот час же сорвались чёрные лучи и устремились в грудь варяга.

Торвальда откинуло на десяток сажений. Во время своего падения он выронил меч. Лонга пришпорил коня и устремился на противника.

Варяг быстро пришёл в себя. Для тысяцкого время словно остановилось. А над Торвальдом засиял яркий белый свет. Он полностью окутал его.

Для Торвальда Вселенная впала в стазис. Свет позволил, как и раньше, увидеть суть вещей. Вот они, всадники, простые люди, которые заблудились в своих верованиях. Вот тысяцкий, который хороший человек, но скоро потеряется в вопросах старой и новой религии, а вот это существо.

Лонга. Не человек. Демон. Он сжимал вожжи и направлял коня прямо на варяга. Под тёмным капюшоном виднелось бледное лицо, в глазницах которых плясали дьявольские огоньки пламени.

Из-под робы выглядывали древние доспехи римского легионера.

Ещё секунда – и демон достигнет Торвальда. Но демон никогда не достигнет свет.

Разрушительная волна света окутала Путешественника и разошлась в разные стороны.

Демон, опалённый светом, был сбит с лошади и упал, обгоревший, корчась, на траву.

Время снова вернулось к движению.

Воины дружины увидели истинное лицо Лонги, начали переговариваться и креститься.

– Смотрите, смотрите на вашего церковника! – закричал Торвальд, поднимая с травы свой меч и занося его в ударе над противником. – А сколько ещё таких вьётся вокруг князя вашего, сколько змей ещё шепчет ему всякие гадости, кто в лицо, а кто и за спиной.

Испуганный тысяцкий медленно подошёл к корчившемуся демону:

– Что же делать, святитель?

Торвальд с силой опустил свой клинок на голову обожжённого демона:

– Молитесь.

6

Пришествие героя

Оживлённые улицы столичного города не несли в себе ничего хорошего. На душе завелась тоска и чуть ошутимая грусть. Не помогали и плюшки гашиша, которые активно употребляли два молодых человека, Славик и Тимур, в чёрном мерине с блатными номерами: три пятёрочки.

Вообще, когда машину ставили на учёт, красивый номер выглядел как само собой разумеющееся. У всех нормальных пацанов, которые в теме, должна быть правильная тачка. Правильный пацан должен чётко выделяться на фоне остальных. Ну а красивый номер был отличным дополнением к имиджу.

Однако, как показала практика, красивый номер – вещь довольно глупая для людей, которые находятся чуть ниже среднего звена пищевой цепи нашего общества.

У Славика был личный негативный опыт владения таким красивым номером ранее. Полгода назад он сильно напился, накурился травы и «случайно» задел чужой автомобиль на парковке бампером, содрал краску.

Дождаться полиции пацан не стал, потому что, как правильно рассудил, алкоголь в крови и наркотики будут плохими пояснениями к справке о ДТП, поэтому оперативно, как мог, утопил педаль в полу и скрылся.

На беду Славика, в атакуемой машине находился пассажир с водителем. Несмотря на ночь и стремительность произошедшей ситуации, красивый номер и шильдик БМВ отчётливо запомнились потерпевшим.

Нашли Славика тогда не полицейские, потому как пострадавшие решили разобраться с причинителем ущерба народными методами.

В принципе, Славик на стрелке вину свою признал, отслюнявил 10 тонн деревянных за доставленные моральные неудобства, но всё же поинтересовался, как был осуществлён поиск.

На что получил вполне достойный ответ: «БМВ пятёрка с номером три тройки только у одного человека в городе».

Стоило, конечно, ещё тогда сделать продуктивные выводы из сложившейся ситуации, однако этого сделано не было. Поэтому друзья одобрительно кивали головами, когда полицейский показал им блатной номер для мерина.

А на душе было неспокойно.

Нет, вроде бы деньги были, и можно было их тратить на любые пацанские нужды, как то: походы по клубам, по бабам и прочим увеселениям.

Вот только ни у Славика, ни у Тимура не было никаких богатых родителей, поэтому деньги зарабатывали они сами.

И это было проблемой, потому как, смотря через призму современных общественных отношений, честным путём на красивую жизнь себе не заработаешь.

А так как парни не были обделены мозгами, то приходилось вертеться.

Работа была стрессовая, и заключалась она в следующем.

Парни были чёрными кредитными дилерами. Сначала они посредством многочисленных знакомых налаживали различные связи в банках на любом уровне – от кредитных менеджеров до управляющих.

Ну а затем искали «клиентов», которыми могли оказаться совершенно разные по социальному статусу люди.

Были тут и директора крупных предприятий, были и откровенные мошенники и бомжи.

Первый контингент был самый надёжный и бесппроблемный в плане исполнения своих обязательств по кредиту. Но каши на них не сварить: они соглашались только на мизерные откаты, так как им было что терять, и кредиты они платили.

Вторые были лакомым кусочком. Дилеры понимали, что деваться им некуда, а лёгкие деньги – всегда хорошо. Также парни понимали, что без их помощи этим ушлёпкам денег никто не даст, поэтому подмамливать приходилось и банкиров, ну и, соответственно, за свои посреднические услуги можно было заряжать драконовские проценты.

И, как правило, по тому, соглашался ли человек на такие условия, можно было определить: мошенник он или нет. Если соглашался, по-любому мошенник.

Одежда же человека, его манера говорить, автомобиль для ребят ничего не значили. Они видели в этой суровой жизни многое.

Человек мог быть полным плутом и вскружить голову познаниями в любой области. Одеть его могли подельники, которые вкладывали просто деньги в подобные преступления как в бизнес. Ну а машина могла быть попросту кредитная или так же выделена спонсорами на всякие тёмные операции.

Такие, как правило, брали кредит, а потом исчезали с концами, просто терялись на необъятных просторах России-матушки, или их «теряли» сами же спонсоры, обрезая ниточки, ведущие к этим тёмным делам.

В принципе, с точки зрения уголовного права преступлением деятельность парней не являлась: людей пропускали не за взятку, а под честное слово в банк. А уже потом, через какое-то время, специально обученные люди забирали свой процент.

Документов никаких для взятия кредита парни не подделывали – это всё делали клиенты.

Да и умысла никакого на невыплату заёмных денег ребята не имели. Это как не пришей кобыле хвост.

Главное – всегда быть в тени и не палиться. Ну и откровенным криминалом друзья не занимались. То есть, если человек приходил к ним с предложением кидануть банк, он сразу посылался на йух.

Клиент должен был прийти с предложением о помощи в получении кредита, а уж что он с ним там потом будет делать – дело его личное.

Конечно, из каждого правила были и исключения.

Была такая категория заёмщиков, которые сами не совсем понимали, зачем они берут кредит. То есть сначала намерения у них были сугубо положительные, а затем они понимали, что ну и хрен с ним, с банком.

Опасности такие субъекты не представляли, как правило, но были и такие, которые, получив за раз такое количество денег, которое в жизни не видели, начинали чудить.

Получив деньги, они забывали о построении какого-либо бизнеса и тупо сливали их на свои низменные нужды. Почувствовав жизнь во всей её красе и поняв, что скоро придётся расплачиваться, а нечем, указанные граждане проявляли изрядную долю изворотливости.

Так, например, парочка ещё молодых девчонок заявила в милицию и прямо сказала, что двое неизвестных, пользуясь их невнимательностью, вскружили им, бедным дурам, голову своей любовью, оформили на них кредит и смылись.

Зря, конечно, Славик и Тимур переспали с ними ещё тогда, до получения ими кредита, но задницы у них были очень уж сочные.

Конечно, для любого вменяемого следователя понятно, что в банк эти особы приходили сами и деньги брали тоже сами, поэтому такими заявлениями от ответственности они не уйдут. Но если в деле фигурируют ещё двое, то это уже сговор, а может, и преступная группа.

Короче, гипотетически девки накрутили себе срок сами, да ещё и вставили друзей.

Очень сильно «помог» друзьям так называемый «блатной» номер автомобиля, который на первой же встрече запомнили глупые бабы.

И хотя в марках автомобилей они не разбирались чуть более чем полностью, по описанию машину нашли.

Ну и на очной ставке тоже девки всё подтвердили.

Так вот Славик и Тимур попали на большие неприятности и деньги. Потому как следователю деньги тоже очень были нужны, а у ребят они были. Но не вся сумма. А в СИЗО не хотелось, да и в тюрьму тоже.

Как и полагается в таких случаях, друзей после допроса поместили в КПЗ на пару суток в отдельные камеры.

Славику эта концепция Уголовного кодекса была понятна. Здесь, в камере предварительного заключения, находясь в неведении, отрезанные от внешнего мира люди должны были прочувствовать, что их ждёт дальше, а потом решить, на какую сделку пойти со следствием. Кому-то хватало этого времени, чтобы подписать любой документ и «раскаяться» в содеянном, кто-то, наоборот, всё обдумав, воспользуется 51-й статьёй конституции и будет молчать как рыба. Но в этом случае посадка в СИЗО страдальцу практически гарантирована.

Славик сидел в камере один. Скучно было, что пипец. Надзиратель принёс ему книжку про Великую Отечественную и пачку сигарет. Сигареты расходовались быстро, а книжка слишком однобоко описывала события войны.

Стены давили.

Чем там занимается Тимур? Наверное, так же ждёт. Вот только чего? До финального допроса Славик считал секунды. Психика его подкосилась. К следователю он шёл, уже зная все вопросы, на которые придётся ответить. В принципе, ничего другого от правоохранительных органов парень и не ждал.

На закономерный вопрос Славика, где взять такую сумму денег в короткий срок, следователь ответил:

– Закрывать я вас пока не буду. Срок вам даю две недели. Я про вас всё знаю. Знаю, что деньги вы найдёте без проблем. Каким образом, мне всё равно. Идите работайте.

Тяжело быть простым парнем с района, пытающимся вылезти наверх из массива мешанской грязи.

Парень расписался в документе, который свидетельствовал о том, что он под подпиской о невыезде, забрал из дежурной части свой телефон и ключи от машины, вышел из отделения полиции и стал ждать своего незадачливого друга.

Курить не хотелось. За эти двое суток было выкурено много сигарет.

Тимур вышел примерно через час после Славика. Вид у друга был бодрый и весёлый. Это было странно.

– Ты чё весёлый такой? Али на нарах понравилось? – без особого энтузиазма спросил Славик друга. – Куда едем-то теперь? Помозговать надо. Тебе, наверное, доблестные правоохранители политику партии обозначили?

– Да погоди пока, – отмахнулся Тимур. – Есть тема.

– Что ещё за тема? – недоверчиво покосился на друга Славик. – Все в темах уже по уши. Как из дерьма выбираться будем? Все последние деньги на этого динозавра спустили.

Славик имел в виду машину.

– Может, он тачкой возьмёт? – с надеждой продолжил рассуждать Славик.

– Не-е-е, – протянул Тимур. – Я уже намекал ему. Наши помойки ему не нужны. Он говорил, что дом где-то строит, в пригороде. Деньги нужны ему. А тачка у него у самого «Бумер» тройка, почти новая.

Тимур вздохнул и продолжил говорить:

– Меня тут в камеру кинули, я там типа встретил. Может, помнишь такого, комерс такой. Десант бывший. У него пара палаток на рынке и три магазинчика в области.

Славик припомнил такого человека.

– Ну, и он-то тут каким боком? За чё его-то взяли? Торговал водкой палёной?

– Нет, братан, – заговорщически сказал Тимур. – Из-за нас его взяли. Помнишь кренделя этого – Серёжу Лысого? Ну, тот, который десанта подогнал этого?

– Ну, помню, конечно, – ответил Славик. – Весь из себя слащавый такой, всё говорил: «Дружбану моему помогите, пропадает пацан». Всё выведывал, что будет, если человек платить начнёт по кредитосу, а потом перестанет.

– Так вот, братан. Ситуация тут следующая. Этот Серёжа лучшим другом был десанта нашего, Петровича. Развёл он его, как лоха. Я, когда в камеру зашёл, вижу лицо знакомое. А он почти сразу на меня набросился. Грит, мол, киданули его. Ну, мы бока намяли друг другу. А потом вроде успокоился он и всё рассказал. Говорит, что отдал половину денег с кредита Лысому, потому как Лысый уверил его, что можно за кредит не платить, если три платежа сделать. Убедил его чертяка языкастый. – Тимур расхохотался. – Я говорю ему: «Ну ты, что, олень? Как за такие деньги можно не платить? Ты же не десять тыщ взял?» А он отвечает: «Мы с этим парнем всю армию прошли вместе, да он говна никогда не советовал». Короче, развёл его, как лоха, и нас ещё подставил: всё свалил.

– Вот гад, – сквозь зубы процедил Славик. – А мы в банке людям сказали, что кредит возвратный. Взяли с него самую малость. Репутация наша по швам трещит. Как теперь со следаком будем расплачиваться?

– Не гексуй, Славик, – по-отечески произнёс Тимур. – Шьют Петровичу мошенничество, и, соответственно, следаку всё так же надо строить дом в пригороде, поэтому его тоже на бабки поставили.

Тимур немного помолчал, затем продолжил:

– Короче, Петрович не прочь воспользоваться тёмными технологиями, чтобы погасить долг перед банком, ну а мы ему поможем.

Воцарилась тишина. Славик знал, куда клонит его друг.

– Да ты понимаешь, что он засланным может быть? Он тебе в уши налил, а ты и поверил. Киданули его, как же, – продолжал возмущаться Славик. – И сам в петлю готов лезть? Да не поверю я никогда. Гонит он, нечисто что-то у него там.

– Я тоже так сначала думал, – парировал Тимур. Но он грит, что не может жить так больше. Бизнес прогорел его. Жена от него ушла. Мать в больнице с приступом: не может выдержать, когда ей коллекторы постоянно трезвонят. Тем более он же не блатной никакой, а лох обычный. Кого он кинет?

– Не знаю, Тимур, это опасно. Из огня да в полымя получается. А если он нас всех сдаст? Кто знает, что у него на уме.

– А мы сначала инфу про него пробьём через наши каналы, а потом решение примем, – ответил друг. – Он выходит только завтра, время есть. Если повезёт, убьём двух зайцев.

Что же, идея была плохая, но всё же лучше, чем ничего. Может, в процессе осуществления этой проблемы они найдут иное решение.

В камере Петровичу сидеть осталось всего пару часов, в голове его крутились разные мысли.

Если пацан сказал правду, то он ни в чём не виноват, и то, что делает Петрович, как минимум подло.

С другой стороны, доверять этим кидалам – тоже последнее дело. Надо было принять решение.

Двойственность ситуации убивала. Тем более что решение он принял ещё тогда, когда приехал в головной офис банка, в котором брал кредит, и сделал то, что сделал.

Начальник службы безопасности всей сети банков по стране выслушал его историю, бывшего военного, кинутого неизвестными личностями.

Тогда решение было принято.

Его долги замораживаются, происходит реструктуризация долга на двадцать лет, а имущество десантника и его бизнес не изымается. Дело в отношении его прекращается.

В обмен Петрович пообещал при помощи банкиров схватить чёрных кредитных дилеров. И, в общем-то, захват копами парней был спланирован заранее.

Двери камеры открылись. Петровича выпустили после разговора с Тимуром.

В кабинете следователя висел портрет Иосифа Сталина. Необычно. Особенно когда правящей партией в настоящее время происходит очернение личности этого неоднозначного, но всё-таки интересного человека.

– Удивлены, Дмитрий Петрович? – задал следователь вопрос десантнику.

– Что? – не понял Петрович.

– Вы так долго смотрите на портрет, – продолжил следователь. – Знаете, по-моему, всё это очень по-философски. Это отражает не только сложившуюся ситуацию в отдельно взятое время, но в целом по стране во все промежутки времени.

Петрович всё так же ничего не понимал. Следователь был ему неприятен.

– Я имею в виду, – следователь набрал в грудь воздуха и продолжил свой монолог, – вот, например, какая разница крестьянам, при каком политическом строе они живут? Рабочим? Ведь исторически так сложилось, что общество делится на два класса: власть имущие и угнетённые. Первые насаждают вторым свою волю через написание своих законов и требуют неукоснительного их соблюдения. Что такое право? Возведённая в закон воля господствующего класса. И когда общество делилось на рабовладельцев и рабов. Первые устанавливали законы для рабов. При феодализме феодалы устанавливали законы для крепостных, буржуа – для рабочих. В действительности прошло уже несколько тысяч лет, а расстановка сил в обществе осталась прежней. Мы только поменяли название. Вы, кстати, курите?

– Нет, спасибо, – ответил Петрович.

Следователь закурил сигарету. Ему нравилось говорить. Наверняка он многим людям лил тут в уши всякую ерунду. Впрочем, их положение обязывало их слушать.

– Так вот. Поменяли название. В действительности разве не остались сейчас работоторговцы и рабы? Взять, к примеру, офис-менеджеров. Вот они работают всю жизнь, берут, кстати, кредиты. Живут в кредит, понимаете ли. – Следователь вздохнул. – А что, собственно, они видят, кроме работы? Все заработанные деньги тратят на всякие увеселения плоти. Не думают о будущем, живут одним днём. Кто-то может ездить по всяким Турциям, Египтам, знаете ли. А кто-то нет. Последние хуже галерных рабов. Те хоть мир видели, путешествуя на галерах. Ну а что видят наши врачи? Учителя и прочие с ними? Затрудняюсь ответить. И хорошо, если супруг человека ещё какие-то деньги зарабатывает. А если нет? Вы знаете, мы тут много видим на этой работе. Много спившихся, алкоголиков, наркоманов. Все от безысходности. Многие думают, что наркотики – дорогое удовольствие. Не все, скажу я вам. Есть такие препараты, за 500 рублей можно сделать с десятков доз. Конечно, жить такому недолго, но всё же более красочно, чем серость происходящего.

У нас тут, кстати, в милиции, ещё до реформ зарплата была небольшая: всего 10 тысяч рублей. Тоже еле сводили концы с концами.

И вот мажора вчера привезли пьяного. Напился и на папином джипе снёс в мемориальном парке ограждения.

Это я всё к чему говорю-то. Нет никакой разницы. Тысячи лет прошли, а всё осталось как есть. Рабы и торговцы рабами.

Тут Петрович решил подключиться к монологу:

– Разница есть. Есть различные социальные возможности. Кто-то сидит ровно на жопе и не работает, а кто-то пашет и добивается.

Следователю, казалось, только этого и надо. Петрович подлил масла в огонь.

– Ну вот учитель пашет за 10 тысяч. Я пахал за 10 тысяч. А работа ой какая тяжёлая. Семьи нет, личной жизни тоже нет. Какие тут социальные возможности? Раньше тоже были социальные возможности. Схватиться за топоры и вилы и выкинуть зажавшего барина на *уй на мороз с семьёй.

Последние слова следователь сказал уже грубо и громко.

– Я ведь хочу сказать, что такой человек, как вы, Дмитрий Петрович, в глазах моих – всего лишь очередной плут и жулик, наживающийся на других. Стало вам плохо. Кинули вас. А когда вы кредит брали по поддельным справкам о доходах, вы о чём думали?

– Справки настоящие, доход указан верно, – парировал капитан ВДВ.

– Что ж, – смягчился следователь. – Если доход указан верно, то это не подделка уже, а неуплата налогов.

Для Петровича это был удар ниже пояса.

– Если у вас такой доход был, почему налоги не платили? Я ведь пробил всё по базам.

Короче, взял следак Петровича за яйца крепко. Получалось так, что доход в справке он нарисовал себе триста штук в месяц, чтобы кредит дали. И, получается, справку таким образом подделал. А если не подделал, то где налоги с доходов в три с половиной ляма?

– Я вам что хочу сказать, Дмитрий Петрович. Вы сейчас сотрудничаете с нами, с банком. Выбываете себе условный срок, может, вообще соскочите, я-то всё равно погреюсь. Я просто не считаю вас никаким страдальцем. Вы для меня чуждый моей идеологии буржуазный элемент, угнетатель простого народа. Поэтому не надо плакать в подушку и строить из себя «терпилу». Делайте то, что вам скажут, и, может, избежите наказания.

Следователь замолчал.

– Кстати, ещё кое-что. Не считайте меня ярым коммунистом, просто я смотрю на вещи объективно. Это, – следователь указал большим пальцем правой руки на портрет Сталина, – это объективность. Эта кучка коммунистов, которые пришли к власти в 1917 году, просто банда уголовников. Ленин – уголовник, Сталин – уголовник, Дзержинский, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Рыков. Коллегиальность в политике отсутствует. Должен был остаться только один. Победил Сталин. Но вот что интересно: в глазах старой власти они были уголовниками, а в глазах новой – вождями. Поэтому не питайте иллюзий по поводу завтрашнего дня, прощения и поворота событий к отправной точке. Вы всё уже сделали. Я со своей стороны должен сделать так, чтобы каждый, кто задействован в этой истории тем или иным образом, получил по заслугам. И я уж точно постараюсь не допустить обеления таких, как вы, в глазах угнетённого населения.

Следователь выждал паузу.

– Кстати, вот ваш телефон. – Он протянул Петровичу телефон. – Звонили из банка, у них всё готово. Пора связаться с ребятами.

Капитан получил из рук следователя телефон.

– Виктор Алексеевич, а можно вопрос? – Петрович решил спросить кое-что.

– Валяй, – разрешил следователь.

– А банкиры кто тогда?

Следователь задумался.

– В этой пищевой цепи банкиры сами и бандиты, и власть имущие, и рабы, потому что они не понимают, что служат одному из самых древних Богов – деньгам. Бандиты, потому что толкают граждан к жёстким условиям кредитования и нередко делают их преступниками, при этом активно посредничая. Власть имущие, потому что могут и простить, но очень капризны в своих решениях и имеют деньги. Ну, а рабы, потому что, как правило, не ты имеешь деньги, а деньги имеют тебя.

7

Действие наркотика уже почти прошло. Славик и Тимур навели все справки о десантнике и ждали его звонка в чёрном мерседесе. Петрович позвонил, они договорились о встрече. Оживлённые улицы столичного города не несли в себе ничего хорошего. На душе завелась тоска и чуть ощутимая грусть.

Приёмник премиумного авто сообщал какие-то новости. Друзья не вслушивались. Говорили про какого-то «героя», который ценой своей жизни вытащил из раскалённого пламени каких-то детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.